

**Аркадий Владимирович
КОРНЕВ,**

заведующий кафедрой
теории государства и
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),

доктор юридических наук,
профессор,

avkornev@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ (ИСТОЧНИКИ) В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ¹

Аннотация. *Историография политических и правовых учений в качестве главного предмета исследования пытается ответить на вопрос: как изучались государственно-правовые институты фактически с момента их зарождения. В этом смысле история политических и правовых учений является историей теории государства и права, поскольку она отражает различные формы теоретического знания. Настоящая статья посвящена жанровым формам (источникам), в которых мыслители различных исторических эпох выражали свое отношение к праву, государству, власти и другим, близким к ним явлениям и институтам. Слово «жанр» используется намеренно в силу того, что о политических и правовых категориях нередко писали в свободном стиле, что роднит различные источники с литературными произведениями. Жанры (источники) отражают эволюцию политических и правовых учений — от религиозных текстов и мифов древности до диссертационных и монографических исследований современного периода развития юридической науки.*

Ключевые слова: государство, диалог, диссертация, жанр, источник, право, монография, миф, наука, памфлет, письмо, право, статья, трактат, утопия.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.078-090

ARKADY V. KORNEV,

Head of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr Sci. (Law), Professor

avkornev@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

GENRE FORMS (SOURCES) IN THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

Abstract. *The historiography of political and legal doctrines as the main subject of research tries to answer the question: how were state and legal institutions studied in fact from the moment of their inception. In this sense, the history of political and legal doctrines is the history of the theory of state and law, since it reflects various forms of theoretical knowledge. This article*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

is devoted to genre forms (sources) in which thinkers of different historical eras expressed their attitude to law, state, power and other phenomena and institutions close to them. The word "genre" is used deliberately due to the fact that political and legal categories were often written in a free style, which makes various sources related to literary works. Genres (sources) reflect the evolution of political and legal doctrines — from religious texts and myths of antiquity to dissertation and monographic studies of the modern period of development of legal science.

Keywords: state, dialogue, dissertation, genre, source, law, monograph, myth, science, pamphlet, writing, law, article, treatise, utopia.

Без всякого сомнения, наиболее истинным в истории является не то, что она повествует, а то, что она мыслит, что она воображает, что она измышляет.

П. Я. Чаадаев

Для историографии истории политических и правовых учений жанровая форма, которая использовалась и продолжает использоваться для изложения политических и правовых идей, не имеет принципиального значения. Жанр — менее обязывающая категория с научной точки зрения, чем форма. И тем не менее этот термин можно использовать. Конечно, жанровые формы ближе к такой сфере общественного сознания, как искусство. Швейцарский психолог, психиатр и культуролог Карл Густав Юнг заметил: «Искусство по самой своей природе не является наукой, и наука по своей природе — не искусство; обе эти сферы мышления имеют в себе нечто такое, что присуще только им и может быть объяснено их внутренней логикой».²

Мысль любопытная, тем более, что она принадлежит основателю аналитической психологии, одного из направлений психоанализа. Особенно в контексте проблематики статьи.

Учебный курс, наука в различные исторические периоды назывались по-разному: история философии права, история политических учений, история политических и правовых учений, история учений о праве и государстве. Классика жанра — Б. Н. Чичерин «История политических учений» (в 5 т. М., 1869—1902).

Ранее политические и правовые идеи развивались в рамках философии. Сама же философия никогда не имела неизменного объекта, предмета и содержания. Возникнув после математики, философия являла собой любовь к мудрости. На вопрос, кто он такой, Пифагор ответил: «философ», что значит «любомудр». Жизнь, говорил он, подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные — торговать, а самые счастливые — смотреть; так и в жизни иные, подобно рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы — до единой только истины³.

² Юнг К. Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. Киев, 1996. С. 10.

³ Лазертский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 309.

Философия со временем стала включать физику, логику, риторику, биологию. В силу закономерностей своего развития отрасли научного знания затем стали отпадать от философии, сформировав собственный предмет и объект исследования.

Если следовать мысли «отца-основателя», то философом может быть всякий, кто ищет истину или просто тянется к мудрости. Именно по этой причине слово «философия» применяется практически ко всем явлениям, вещам, процессам, действиям. Можно, например, услышать такие выражения, как: «философия реформ», «философия правотворчества», «философия наказания», «философия искусства», «философия питания» и проч. Каких только «философий» не существует! Но все это далеко от философии истинной. Хотя и на этот счет существует много различных мнений.

Философия, как ранее считалось, является наукой о всеобщих закономерностях, которым подчинено как бытие (природа и общество), так и мышление⁴. Философию называют общественным сознанием, наукой, мировоззрением. И даже искусством. Именно в этом контексте можно использовать слово «жанр». Если обратиться к истокам зарождения политической и правовой мысли, то мы увидим, что рассуждение о государстве, власти, праве велось в довольно свободной манере, весьма далекой от современных тенденций. Некоторые авторы сегодня порой так усложняют проблему или вопрос, имеющий очевидный или даже банальный характер, что не совсем понятно, что он своими излишне «учеными» размышлениями хотел сказать. А вот в прежние времена формы изложения политических и правовых учений скорее тяготели к сфере искусства, нежели науки.

Строго говоря, философия вообще, так же, как и социология, в настоящее время явно испытывает трудности самоидентификации. Хотя бы понятно, чем занимаются отраслевые социологии, например социология права или социология организации. В узком сегменте всегда легче открыть закономерности и описать то или иное явление. Но есть ли общие закономерности, которые присущи всем сферам социума и обществу в целом? Тем более, что некоторые социологи ввиду невозможности, как они говорят, дать определение обществу, которое включало бы все его подсистемы, вообще призывают отказаться от этой категории.

То же самое мы можем наблюдать и в области философии, если таковая (область, предмет) существует. Некоторые российские философы говорят о том, что к природным и социальным системам нельзя применять одни и те же принципы, законы и категории, например, диалектики. Да и саму диалектику сейчас перестали жаловать. Вспоминают, что отец диалектики Гераклит еще при жизни удостоился прозвища «Темный».

Применительно к «отраслевым» философиям ясности явно больше. Никаких вопросов не возникает, когда читаешь: «Предметом философии науки являются общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их развитии и рассмотренных в исторически изменяющемся социокультурном контексте»⁵.

⁴ Философский словарь. М., 1980. С. 390.

⁵ Степин В. С. История и философия науки. М., 2014. С. 8.

Кстати, такое определение предмета философии науки представляет интерес и для историографии истории политических и правовых учений. Историография в самом общем виде отражает процесс познания политического и правового в самом широком смысле этого слова. Иными словами, она отвечает на вопрос: как, каким образом изучались политические и правовые учения. И в этом контексте «закономерности и тенденции научного познания» как раз, что называется, к месту.

Жанром в искусстве обычно называют общность художественных произведений, складывающуюся в процессе исторического развития искусства на основе их самоопределения по предметному смыслу в результате взаимодействия гносеологической (познавательной) и аксиологической (оценочной) функции художественной деятельности.

Без Античности не было бы никакой европейской цивилизации. Это очевидный факт. Мало кто знает, что Платон начинал свою жизнь не как философ, а как драматург. Фактически в двадцатилетнем возрасте он был автором нескольких произведений, по которым были поставлены спектакли в афинских театрах. Сейчас трудно гадать, как сложилась бы его судьба, если бы он остался в искусстве. Во всяком случае, начало творческой деятельности было успешным и многообещающим. Встреча с Сократом изменила все. В театрах древнегреческих городов-полисов ставились спектакли, в которых зрители могли наблюдать натуралистическое изображение власти, права, суда, наказания и проч.

Интерпретация слова «жанр» в литературоведении может быть использована и в историографии политических и правовых учений. Литературные жанры представляют собой исторически складывающиеся группы литературных произведений, объединенных совокупностью формальных и содержательных форм. По форме литературные произведения могут быть новеллами, одами, романами, эссе и т.д. По содержанию они могут представлять собой комедию, фарс, трагедию, драму и проч. Наряду с формой и содержанием, выделяют также и род литературного произведения — баллада, миф, былина и др.

Применительно к истории политических и правовых учений мы также можем говорить об исторически складывающихся жанрах (источниках), в которых мыслители различных исторических эпох изложили свое видение права, государства, закона, демократии и других институтов. Тем более, что осмысление государства и права как своеобразного ядра истории политических и правовых учений начинается фактически с момента их зарождения. В этом смысле мы можем констатировать фактически одновременное рождение политической и интеллектуальной истории. История политических и правовых учений вообще и конкретной страны в частности обычно разделяется на периоды. И каждый период характеризуется преобладанием той или иной жанровой формы (источника).

Историю политических и правовых учений еще не так давно изображали как восходящую линию, постоянно увеличивающую «научную и прогрессивную» составляющую. А с выходом на авансцену исторического материализма и вовсе стали считать, что все, что написано ранее о праве, государстве, собственности, демократии и других институтах, подлинно научным быть не может. Некоторые авторы якобы только «приблизились» к их научному осмыслению.

Сегодня такая точка зрения доминировать явно не может. Современный человек, к услугам которого огромное количество информации, вряд ли может

претендовать на то, что он понимает в окружающем его мире больше, чем античный мудрец, к примеру. По всей видимости, все ровно наоборот. Не стоит думать, что если общество овладело современными технологиями, то мы являемся более развитыми и гармоничными. Человек Античности стремился к знаниям, к постижению истины, одновременному развитию тела и духа. Официальная регистрация Олимпиад началась в 776 г. до н.э., а в 5 в. до н.э. Олимпийские игры достигли своего расцвета. Сами Игры представляли собой синтез духовной и воинско-атлетической практик. Легендарный Пифагор с Самоса был олимпийским чемпионом по боксу. В разные времена Олимпию посещали и выступали перед публикой Фалес, Анаксагор, Сократ, Платон, Аристотель, Геродот, Исократ, Демосфен⁶. Каждый из них оставил огромный след в науке, философии, истории политических и правовых учений, и не только.

Современные люди к такой гармоничности в массе своей не стремятся. Нам недосуг заниматься поисками смысла бытия, истины. Мы сегодня пользуемся преимущественно информацией. Для добывания знания необходимо затрачивать усилия. И совсем не случайно многие ученые с грустью сегодня говорят о крушении философии Просвещения и наступлении нового варварства. Мы сами себе гунны (Бертран де Жувенель).

К жанровым формам (источникам) политических и правовых учений можно отнести книгу, поучение, наставление, миф, диалог, трактат, памфлет, эссе и проч.

Представляется, что законченного перечня в данном случае быть не может. Проблема состоит в том, с чего начать краткую характеристику этих жанровых форм (источников) политических и правовых учений. Хронологический подход представляется более правильным. Однако и здесь есть некоторые затруднения. Платон и Аристотель жили раньше Иисуса Христа.

Главная книга христиан — Библия — переведена полностью или частично на 2 500 языков. Ее общий тираж к настоящему времени превысил 8 млрд экземпляров. Библия остается самой читаемой и издаваемой книгой в мире со времен изобретения книгопечатания. А самой читаемой частью Библии являются четыре Евангелия, содержащие описание земной жизни Иисуса Христа⁷.

Библия включает в себя Ветхий Завет и Новый Завет. Книги Нового Завета написаны в I веке н.э. Ветхий Завет содержит описание событий, которые имели место задолго до Рождества Христова. В этом смысле вопрос об историческом первенстве жанровых форм (источников) политических и правовых учений остается открытым.

Ветхий Завет есть Еврейская Библия (Танах). Это Божественное Откровение предназначено всему человечеству, но передано оно было через еврейский народ. Передача Откровения началась с Авраама (ок. XX в. до н.э.), продолжилось через Моисея (при Даровании Торы на Синае, XV в. до н.э.) и затем прошла через саму историю еврейского народа, запечатленного в Библии⁸.

Воля Творца по отношению к народам мира выражается в семи заповедях — так называемых «семи заповедях потомкам Ноаха (Ноя)»: запрет

⁶ Фомин В. Первоосновы Посвящения. М., 2008. С. 383.

⁷ Митрополит Иларион (Алфеев). Иисус Христос. М., 2019. С. 9.

⁸ Полонский П. Две тысячи лет вместе. Ростов н/Д ; Краснодар ; Иерусалим, 2009. С. 11.

идолопоклонства; запрет богохульства; запрет есть мясо, взятое от еще не убитого животного; запрет убийства; запрет инцеста и прелюбодеяния; запрет воровства; предписание установить справедливую судебную систему⁹.

Особенно хотелось бы обратить внимание на категоричное повеление в части устройства справедливой судебной системы. Известный библеист А. П. Лопухин утверждает, что «богоправление» как основа жизни израильского народа не ограничивалось только религиозно-нравственной областью, а проникало во все сферы. В этом отношении «богоправление» сказывается в том, что Иегова как Царь и Судия избранного народа водворял в Своем царстве через ряд божественных мудрых законов такую справедливость, которой не знали окружающие народы и которая делала израильское государство образцом даже в этом отношении¹⁰.

Объявлялось равенство перед законом: «Один суд должен быть у вас, как для пришельца, так и для туземца; ибо Я Господь, Бог ваш» (Левит XXIV, 22). «Закон один и одни права да будут для вас и для пришельца, живущего у вас» (Числа, XV, 16).

Иудаизм есть религия закона. В. И. Лафитский утверждает, что иудейская традиция права существует более 33 веков. Ее первые заповеди были высечены на каменных скрижалях, которые хранились в ковчеге Завета. И кроме скрижалей не было в нем ничего. Второй святыней была Книга Завета — сборник законов, полученных Моисеем от Бога. Как и Ковчег, она хранилась в Иерусалимском храме. И не было в Храме других святынь. Такого поклонения праву в истории больше не было. Впрочем, не было и другого права, которое оказало столь мощное воздействие на ход истории¹¹.

Что касается поклонения праву, то тут все верно. Иисус Христос категоричен: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5:17).

Рене Давид справедливо отмечает, что мы не найдем в истории стремление поставить иудейское религиозное право выше, чем действующее право страны. В этом плане иудейское право не играет такой роли, как, например, мусульманское право¹².

Иными словами, компактно проживающая иудейская община никогда не стремилась свое право навязать иному народу, среди которого она проживала. Во все времена. К примеру, в период пребывания в Египте иудеи жили исключительно по своим законам. У них действовала открытая система мер и весов, функционировал справедливый суд. Каждый знал как меру своей свободы, так и меру своей обязанности, чего нельзя было сказать о египетском обществе. По факту рабы были более свободными, чем «господа».

В восточных цивилизациях право было частью нравственности, этики, религии. Именно по этой причине жанровым источником этих цивилизаций выступали

⁹ *Раввин Моше Вайнер и д-р Михаэль Шульман. Семь врат праведности. Книга знаний для народов мира / под ред. р. Шеваха Златопольского. Российское издание. 2018. С. 7.*

¹⁰ Толковая Библия Лопухина. Ветхий Завет. М., 2019. С. 199.

¹¹ *Лафитский В. Сравнительное правоведение в образах права : в 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 8.*

¹² *Давид Р., Жофре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996. С. 26.*

поучения, а также книги¹³. Лев Мечников считает, что история человечества начинается с жесточайшей деспотии, которая была свойственна Востоку. По его мнению, «скромные строители египетских пирамид, работавшие под бичом надсмотрщиков, работали не из чести фигурировать некогда в книгах мировой истории. Всюду с самого начала истории мы встречаем страшное угнетение народных масс и неограниченный абсолютизм правителей всякого рода. Всюду, где была только для этого возможность, народные массы насильственным образом запрягались в ярмо истории»¹⁴.

Конечно, это состояние абсолютной подавленности человека деспотической реальностью вызывало не энергичные протесты, а некий уход в себя, отстраненность, питало надежды на то, что после смерти начнется подлинная жизнь, в которой не будет места страданиям и угнетению. В Египте с его пирамидами, устремленными в вечность, мы находим, по сути, культуру смерти, преклонение перед вечностью, на фоне которой земная жизнь кажется всего лишь мигмом. Хорошо известно, как фараона готовили к переходу в иной мир. Однако такая же практика имела место и у людей, совсем не принадлежащих к верхушке египетского общества. Украшенные татуировками тела простых смертных, крашенные волосы говорят ровно об этом же. В силу того, что на Востоке практически не имела места политическая жизнь, не сформировался институт частной собственности, а социальные классы были одинаково бесправны перед ликом высшей власти, право просто не могло иметь автономного существования, находясь в тени других регуляторов. Если в западной цивилизации формирование классов происходило под воздействием социально-экономических факторов, то на Востоке кастовый принцип базировался на религии. Поэтому мерзости восточной деспотии казались людям вполне естественными.

Становление, развитие и расцвет политико-правовых учений связан с античной цивилизацией. В историографии данной учебной дисциплины настойчиво подчеркивается мысль о том, что право в силу довольно раннего оформления института частной собственности и сложившейся разнообразной социальной структурой общества первоначально произошло от богов, а затем стало развиваться относительно автономно. Влияние религии, этики, философских доктрин имело место, но не носило абсолютного характера, как на Востоке.

Что касается возникновения права, то Фюстель де Куланж, к примеру, категоричен: «Происхождение древних законов не вызывает никаких сомнений. Не люди придумали их. Солон, Ликург, Минос, Нума записали, но не создали законы своих городов». И далее: «У древних закон всегда был священным; во времена царей он был царем царей, во времена республики он был царем народа. Неповиновение закону считалось святотатством»¹⁵.

¹³ Например, Поучение Птахотепа (XXVIII в. до н.э.), Книга мертвых (ок. XXV в. до н.э.). Книга мертвых — своего рода руководство для умершего. После смерти он предстает перед судом 42 богов и Осирисом — верховным божеством, который является владыкой Двух Истин (земного и загробного миров одновременно). Сердце умершего взвешивается на весах правосудия.

¹⁴ Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М., 2013. С. 205.

¹⁵ Куланж де Фюстель Н. Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М., 2010. С. 188, 190.

Миф представляет собой первый жанровый источник политических и правовых учений, если не считать тех правил, которые получены человеком от Бога.

Миф — возникающее на разных этапах развития повествование, фантастические образы которого (боги, легендарные герои, события и т.п.) были попыткой обобщить и объяснить различные явления природы и общества¹⁶.

Человеку, наделенному разумом, свойственно выходить за пределы непосредственного социального опыта. Миф — одна из самых ранних попыток такого выхода. Когда не хватает знаний для объяснения реальности, человек прибегает к мифу. Он выступает как своеобразная форма объяснения бытия.

Миф есть синтез знания и воображения, чувственно и пластически оформляющий ранее неоформленное. Язык мифа — это язык символа. А символ — это единство и неразделенность феномена (того, что воспринимается) и ноумена (мысли), явления и смысла (П. А. Флоренский). Однако образ мифа обретает смысл для человека, если человек живет в мифе, в мифической реальности¹⁷.

Миф представляет собой органичную часть культуры всех древних цивилизованных народов. Особенно это характерно для Древней Греции, культура которой была художественной. Миф, мифология — неотъемлемая составляющая Эллады. Мифологическое восприятие реальности было свойственно раннему периоду истории политических и правовых учений Греции (IX— VI вв. до н.э.). Это особенно видно на примере творчества Гомера и Гесиода. Правовая действительность выступает здесь в образе символов, знаков. Эту традицию затем переняли и римляне, которые находились под сильным культурным влиянием греков.

Мифологизация, как и миф, никуда не исчезла из нашей политико-правовой жизни. А. Дж. Тойнби не без оснований полагает: «Известно, что человечество по своей природе склонно — всегда и везде — к опасному преувеличению исторического значения современных ему событий вследствие того, что они важны лично для того поколения, которое охвачено этими событиями»¹⁸.

Миф со временем утрачивает сильнейший налет сакральности, но не теряет при этом своей привлекательности. Он по-прежнему востребован и используется в целях манипуляции общественным сознанием.

Древняя Греция, как и Древний Рим, являются цивилизациями слова. Древние греки считали, что у ораторов гораздо больше власти, чем у тиранов. И в какой-то степени с этим можно согласиться.

Греческая культура рождает *диалог* как особый жанр, посредством которого отражается и оценивается современная реальность. Можно с большой долей уверенности говорить, что диалог является одной из продуктивных форм познания политико-правовой действительности. В современной педагогике диалоговый способ освоения какого-либо предмета считается наиболее предпочтительным. Все чаще раздаются призывы отойти от монолога, когда говорит преимущественно один. Утверждается, что такая форма устарела, поскольку культивирует менторский подход и сохраняет дистанцию между учителем и учеником, в широком смысле. Доля истины здесь, безусловно, имеет место. Но есть, по меньшей

¹⁶ Философский словарь. С. 220.

¹⁷ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки. М., 2011. С. 14.

¹⁸ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 305.

мере, два обстоятельства, которые нужно учитывать. Во-первых, между учителем и учеником должна сохраняться дистанция, иерархия. Авторитет учителя сообщает авторитетность знаниям, которые он транслирует. Во-вторых, диалог возможен только между теми, кто обладает примерно сопоставимым объемом и качеством знаний. А иначе какой это диалог?

Диалог (от греч. dialogos) — попеременный обмен репликами. Диалог был распространенной формой философских и научных произведений в Античности и Новое время (Ксенофонт, Платон, Г. Галилей, Н. Мальбранш, Д. Дидро и др.). Диалог, онтогенетически предшествуя внутренней речи, накладывает отпечаток на ее структуру и функционирование, а тем самым и на сознание в целом¹⁹.

С диалоговой формой постижения сути политико-правовых явлений ассоциируется прежде всего Платон — один из самых величайших мыслителей в интеллектуальной истории человечества. Ученик Сократа, он является родоначальником жанра утопии, создателем модели идеального государства. Такого, каким он его себе представлял. Конечно, взгляды Платона несут на себе отпечаток времени, как и любые политические учения. Тем не менее многие вопросы, которые обсуждались в его произведениях, и особенно в основанной им Академии, не утратили своего значения и сегодня. Меняются эпохи, меняются и идеалы. И сейчас мы часто обсуждаем, например, проблему справедливости, как и во времена Платона. Небольшой фрагмент из диалога «Государство»:

- Стало быть, не это определяет справедливость: говорить правду и отдавать то, что взял.
- Нет, именно это, Сократ, — возразил Полемах, — если хоть сколько-нибудь верить Симониду...²⁰
- Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» также затрагивает этот вопрос:
- А знаешь ли ты, какие дела называются справедливыми? — спросил Сократ.
- Это те, которые повелеваются законами.
- Стало быть, кто делает, что повелевают законы, тот делает справедливые дела, тот справедлив?
- Как же иначе?
- Следовательно, кто делает справедливые дела, тот справедлив?
- Думаю, что так, — отвечал Евтидем²¹.

Обращает на себя внимание культура диалога. Каждый участник обсуждения какого-либо вопроса, скорее, высказывает предположение, чем категорично что-либо утверждает. Искусство задавать вопросы и тем самым определять последовательность обсуждения как раз предполагает диалоговую форму. Сократ в совершенстве владел методикой обучения посредством вопросов, поскольку ответ «подводил» обучаемого к познанию предмета обсуждения.

Искусство спора (эристика) получило развитие в Древней Греции. Первоначально считалось, что это искусство помогает отыскивать истину. Затем эристику стали разделять на диалектику и софистику. По мнению А. А. Ивина, «диалектика развивалась Сократом, впервые применившим это слово для обозначения

¹⁹ Психология : словарь. М., 1990. С. 105.

²⁰ Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М., 1999. Т. 1. С. 147.

²¹ Антология мировой правовой мысли. С. 141.

искусства вести эффективный спор, диалог, в котором путем взаимозаинтересованного обсуждения проблемы и противоборства мнений достигается истина»²².

Диалог как форма освоения действительности, как жанр (источник) политических и правовых учений был особенно распространен в античном мире. Он имеет место в Новое время, но постепенно уступает другим формам.

Характеризуя жанры (источники) политических и правовых учений, нельзя игнорировать утопию и антиутопию. В общественном сознании отношение к утопиям довольно поверхностное. Утопия есть реакция на реальность, далекую от совершенства. В истории человечества никогда не было периода, который был бы вне критики. Антиутопия, в свою очередь, это реакция на утопию. То есть антиутопия претендует на то, чтобы показать, что будет, если утопический проект реализуется.

Как уже было отмечено, именно Платон сформировал этот жанр. Но более всего утопия ассоциируется с Т. Мором, английским мыслителем, юристом по образованию. Именно он назвал свой главный политический труд «Утопия» (буквально — место, которого нет).

Всем утопиям присущи некие общие черты. Как правило, утопии вырастают не из реального настоящего или прошлого. Они представляют собой воображаемые социальные проекты, локализованные во времени и пространстве. Утопии не подвержены никаким изменениям. Главное — законсервировать «идеальный» социальный строй, исключив всякую возможность его изменения. В утопии наблюдается согласие членов общества в отношении институциональных ценностей²³.

Обычно утопии делят на три вида: те, которые сбылись, те, которые частично сбылись, и утопии, которым не суждено сбыться. К последним видам утопий относится идея равенства людей. Разумеется, фактического. Хотя на этот счет написано много красивого интеллектуального хлама. Утопии, как бы к ним ни относиться, играют важную преобразующую роль. Невозможно остановить стремление людей к более разумному и справедливому социальному устройству. В этом смысле мифам и утопиям уготована долгая жизнь. Вполне очевидно, что они никогда не исчезнут.

Без утопий и антиутопий невозможно себе представить не только историю политических и правовых учений, но и мировую художественную литературу. «Мы» Е. Замятина, «О дивный новый мир» О. Хаксли, «1984» Дж. Оруэлла — образцы замечательной литературы. В них отражаются и политико-правовые аспекты бытия воображаемых обществ. Долгое время мы думали, что это написано о нас, т.е. о России. Теперь эта интрига практически исчезла. Это прежде всего о них, о «коллективном Западе». И здесь все закономерно. Утопия как жанр суть изобретение западной политической культуры.

В историографии политических и правовых учений заметное место занимают трактаты. Трактаты обычно выделяют как одну из литературных форм, соответствующих научному сочинению. Этот жанр, если можно так сказать, предельно индивидуализирован. Он представляет собой рассуждение автора в части

²² Ивин А. А. Теория аргументации. М., 2007. С. 253.

²³ Корнев А. В. Утопии и антиутопии в политической мысли // История политических и правовых учений : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М., 2008. С. 493.

какого-либо явления (института) в целях формирования принципиальной позиции. В качестве примера можно привести «Два трактата о государственном правлении» Дж. Локка (1690 г.). Трактаты предпочитал Ж.-Ж. Руссо, и самый известный из них он назвал «Об общественном договоре» (1762 г.). Глава первая начинается с самой цитируемой фразы: «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах»²⁴. Сколько раз воспроизводили эту мысль в качестве аргумента и одновременно ниспровергали? Воистину не счесть.

Политические и правовые идеи получали отражение и в памфлетах. Это слово имеет несколько значений. Так называют определенный вид литературных произведений. Иногда памфлет расценивают как художественно-публицистическое произведение. Кроме того, памфлет квалифицируют в качестве политической литературы (брошюра, статья). Этот жанр имеет сходство с пасквилем, отличие заключается в том, что в памфлете критикуется общественная, публичная деятельность какого-либо лица, а не его частная жизнь. Для всех видов памфлетов характерна обличительная тональность.

Нередко даже крупнейшие политические мыслители свои взгляды на государственно-правовые институты излагали в письмах. Письмо есть самое яркое выражение эпистолярного жанра. К сожалению, сегодня это уходящая культура, как и ведение дневников. Авторы доверяли своим корреспондентам порой самое сокровенное. А иногда просто информировали о делах. Не стоит относиться к письму как к чему-то несерьезному. К жанру письма прибегали Вольтер («Философские письма»), Шарль Луи Монтескье («Персидские письма»), П. Я. Чаадаев («Философические письма»). Как современно звучат слова первого русского философа: «Как поступают с мыслью во Франции? Ее высказывают. В Англии? Ее применяют на практике. В Германии? Ее переваривают. А как поступают с ней у нас? Никак...»²⁵.

В историографии истории политических и правовых учений авторы сами определяли жанр своих произведений. Томас Пейн — довольно радикальный политический мыслитель периода борьбы за независимость США свое произведение «Здравый смысл» поименовал памфлетом. И это было оправданным шагом. В нем он резко критиковал Англию, считал, что она свои колонии держит в рабстве, а посему народ имеет естественное право с оружием в руках бороться за свою независимость. Это его произведение имело резко обличительный по отношению к Англии характер. К слову сказать, в России даже правящий класс с сочувствием относился к борьбе американского народа за свою независимость. А в период Гражданской войны в США две российских эскадры курсировали вдоль берегов молодого независимого государства на случай предотвращения иностранного, прежде всего английского, вмешательства. Англия безуспешно пыталась сколотить коалицию, пригласив даже Россию — своего врага на веки вечные в целях разгрома воюющих сторон и разделения страны на свои зоны. Российская империя, к ее чести, на этот шаг не пошла, тем самым обеспечив США независимую политическую субъектность.

²⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 2000. С. 198.

²⁵ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. СПб., 2014. С. 222.

В наше время и даже уже во второй половине XIX в. политические и правовые учения стали отражаться в статьях, диссертациях, монографиях. Статьи, как правило, посвящаются узкому вопросу или грани творчества конкретного ученого, мыслителя. Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, в которой решается какая-то проблема, имеющая значение для теории и практики. Это если подходить к ней с самых общих позиций. Выдающийся дореволюционный русский юрист П. И. Новгородцев магистерскую диссертацию посвятил исторической школе права, а докторскую — политико-правовым взглядам И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля.

Монография — научная работа, выполненная индивидуально. Это классический подход, если следовать этимологии этого слова. Монографии могут быть посвящены самым разным проблемам истории политических и правовых учений. Обычно монографии пишутся «под диссертацию» или после ее защиты. В последнее время соискатели, защитившие диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, меняя фактически обложку, превращают ее в монографию. В прежние времена это считалось неприличным. Монография все-таки не должна копировать диссертацию, должна иметь серьезных рецензентов, а сами рецензии печатались в солидных изданиях. Впрочем, в советские времена других просто не было.

Таким образом, историография истории политических и правовых учений включает в себя различные жанры (источники), начиная с древнейших времен и кончая современностью. Просматривается определенная закономерность, проявляющаяся в том, что каждый исторический период, как правило, порождает присущую ему форму выражения политических и правовых учений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. — М. : Мысль, 1999. — Т. 1. — 750 с.
2. Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки. — М., Проспект, 2011. — 432 с.
3. Давид Р., Жофре-Спинози К. Основные правовые системы современности. — М., Международные отношения, 1996. — 400 с.
4. Ивин А. А. Теория аргументации. — М. : Высшая школа, 2007. — 319 с.
5. Корнев А. В. Утопии и антиутопии в политической мысли // История политических и правовых учений / под ред. В. В. Лазарева. — М. : Высшее образование, 2008. — 917 с.
6. Лазертский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М., Мысль, 1986. — 571 с.
7. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права : в 2 т. — М. : Статут, 2011. — 415 с.
8. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. — М. : Айрис-пресс, 2013. — 320 с.
9. Митрополит Иларион (Алфеев). Иисус Христос. Биография. — М. : Молодая гвардия, 2019. — 650 с.

10. *Полонский П.* Две тысячи лет вместе. — Ростов н/Д : Феникс ; Краснодар : Неоглори ; Иерусалим : Маханаим, 2009. — 234 с.
11. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М. : Политиздат, 1990. — 494 с.
12. *Раввин Моше Вайнер и д-р Михаэль Шульман.* Семь врат праведности : Книга знаний для народов мира / предисл. р. Шеваха Златопольского. — Российское издание. — 2018. — 256 с.
13. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. — М., Терра —Книжный клуб ; Канон-пресс-Ц, 2000. — 544 с.
14. *Степин В. С.* История и философия науки. — М. : Академический проект, 2014. — 424 с.
15. Толковая Библия Лопухина. Ветхий Завет. — М. : Букс Медиа Москва ; Рипол классик, 2019. — 510 с.
16. *Тойнби Дж. А.* Цивилизация перед судом истории. — М. : Айрис-пресс, 2003. — 592 с.
17. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — М. : Политиздат, 1981. — 445 с.
18. *Фомин В.* Первоосновы Посвящения. — М. : Индрик, 2008. — 502 с.
19. *Фюстель де Куланж Н. Д.* Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. — М. : Центрполиграф, 2010. — 414 с.
20. *Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего. — СПб. : Лениздат ; Команда А, 2014. — 288 с.
21. *Юнг К. Г., Нойманн Э.* Психоанализ и искусство. — М. : REFL-book, К. Ваклер, 1996. — 304 с.